
ОРГАНИСТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В МИРОВОЗЗРЕНИИ Н. СТРАХОВА

Н.В. Снетова

Историки русской философии, обращавшиеся к творчеству русского мыслителя второй половины XIX века, отмечают сложность анализа философских взглядов Страхова (1828—1896). В статье В.В. Сапова, посвященной Н.Н. Страхову (в словаре «Русская философия») утверждается, что его «нельзя безоговорочно зачислить ни в какой философский или мировоззренческий «лагерь» [3. С. 489].

По нашему мнению, исследование страховской философии позволяет сделать вывод, что его творчество можно отнести к определенному направлению в отечественной философской мысли, а именно — к органицизму [4]. Данная оценка находит подтверждение в той критике материализма, которая дается Н.Н. Страховым. Избранный им «органический подход» предполагал критическое отношение к механистическому материализму. Эта критика осуществляется отечественным органицистом в рамках критики атомистической теории вещества и механицизма.

Опровержение материалистического мировоззрения, согласно мыслителю, предполагает, во-первых, *выяснение оснований* критикуемого течения, во-вторых, выявление его *внутренней* противоречивости. Видя в материалистическом воззрении очень серьезного противника, Страхов ставит цель показать, что критикуемая система взглядов *изнутри сама себя разрушает*.

Думается, отечественный ученый предлагает лучший способ критики — критику теории изнутри. Критический анализ точки зрения противника, в данном случае материализма, естественно, осуществляется с определенных мировоззренческих позиций. В его ранних работах чувствуется влияние Гегеля, который считал, что «всякая философия есть по своему существу идеализм или по крайней мере имеет его своим принципом, и вопрос в таком случае заключается лишь в том, насколько этот принцип действительно проведен» [2. С. 221—222].

Приступая к критике материалистического учения, русский исследователь сразу отмечает две его особенности, отличающие учение от всех, по его мнению, «настоящих философских систем», — бессознательность и бессистемность. Причем произведенный нами анализ этих ранних работ позволяет сделать вывод, что у Страхова берется не стихийный, но преимущественно *естественнонаучный* материализм. С его точки зрения, существует бесчисленное множество материалистов, но великих среди них нет, поэтому, опровергая данную систему взглядов, не на кого сослаться, как на полного представителя системы. Популярный Бюхнер, по его мнению, слишком слабый противник, чтобы на примере его воззрений критиковать материализм.

Страхов ясно понимал, что сила материалистического учения в его связи с естествознанием, в чем, с его точки зрения, убеждены многие, и, прежде всего, естествоиспытатели.

С позиций органицизма он предпринимает попытку доказать, что данное представление ошибочно. При этом критик отталкивается от того, во-первых, что материализм — система представлений, которая в объяснении мира исходит из вещества, во-вторых, по его убеждению, в принципе возможна единственная форма материализма — механистический материализм, который неразрывно связан с атомистическим учением о веществе, а оно, в свою очередь, отождествляется с материей.

В трех статьях по методологии научного познания — «Об атомистической теории вещества» (1860 г.), «Вещество по учению материалистов» (1863 г.) и «О простых телах» (1865 г.) — автор верно устанавливает связь между механистической парадигмой, господствовавшей в естествознании, и возникновением данной формы материализма. Он довольно хитроумно рассуждает следующим образом: с одной стороны, естественные науки дают повод к принятию материализма, с другой — материалистическая система не является их следствием. Следовательно, как мы можем сделать вывод, критик считает, что их следствием должен быть идеализм. Однако вывод этот в данном случае эксплицитно автором не проговаривается.

В опровержении материалистического мировоззрения логика Страхова, выдающая в нем адепта органицизма, такова.

Предметом науки вообще является жизнь во всем ее многообразии, начиная с вещественной жизни природы и кончая человеческой жизнью. Но в настоящее время научное познание не вышло «из сферы вещества и его явлений». Показав истоки, причины появления материализма, Страхов пытается за материалистов воссоздать систему материалистических взглядов.

Исходя из принятого положения, что материализм не философское учение, он начинает с утверждения, что естественные науки занимаются внешним миром. В свою очередь, деятельность ума, которую ум обнаруживает, обращаясь к внешним предметам, называется, — декларирует мыслитель, — представлением, поэтому все естественные науки ограничены в познании уровнем представления. Отсюда его сентенция: материализм — это система, «...основанная на деятельности представления, ограничивающая все познания эту деятельность и потому отвергающая всякое другое *понимание* вещей» [5. С. 435].

Такая категоричность в высказывании мнения, предлагаемого в качестве несомненной истины без всякой аргументации, объясняется тем, что за ним стоит пока непререкаемый для начинающего свой философский путь исследователя авторитет Гегеля. В частности, Страхов вслед за Гегелем отождествляет материализм со здравым смыслом, — и то и другое опирается на представление.

Можно согласиться с тем, что обыкновенный здравый смысл базируется на мнении, будто истина покоится на чувственной реальности. У отечественного критика материализма представление, как и у Гегеля, понимается собственно как форма мышления, не дошедшая до понятия. Именно отсюда Гегель делал вывод, что материалистическая система взглядов не может быть настоящей философией в принципе, ибо не поднимается до понятия. На этом же основании русский исследователь, следуя Гегелю, придерживался убеждения, что материализм и наука в действительности несовместимы, т.к. последняя в своей сущности — сфера

чистой мысли. В такой оценке материализма была доля истины: материалисты, ставя цель объяснить мир из него самого, опирались на чувственную реальность, наивный реализм (Однако идеализм тоже опирается на обыденный опыт.).

Но у науки и материализма действительно есть общее — они стремятся объяснить мир из него самого, таким, каким он существует объективно.

Нельзя согласиться со Страховым в его утверждении, что естественные науки занимаются только представлением и потому естествоиспытатели отрицают идеализм, причисляя себя к материалистам.

Мы видим из текста, что в страховских работах далеко не всегда присутствует оговорка, свидетельствующая о том, что он говорит об определенном историческом уровне развития естествознания. Даже если взять уровень развития естествознания его времени, по нашему мнению, нельзя утверждать, что оно целиком было ограничено представлением. Цель естественных наук — объяснить причины происходящих природных явлений, вскрыть их сущность, закономерные связи, а они существенные. Естествознание середины XIX века имело не только эмпирический, но и теоретический уровень.

Представление характеризуется Страховым тем, что оно имеет две определенные формы — *пространство и время*: в «этих формах мы представляем все, что воспринимается как внешнее». Следует не только представлять пространство и время, чем ограничивается материалистическая система, но и мыслить, т.е. составить их понятие. В данном требовании отечественный критик материалистов опять-таки следует непосредственно за Гегелем [2. С. 269]. Таким образом, с точки зрения Страхова, категории «пространство» и «время» входят в систему материализма. Опровергая материализм, он дает критику субстанциональной концепции пространства и времени в механистическом материализме. Страхов адекватно описывает суть представления о пространстве и времени, которое характерно для этой концепции: бесконечное пустое пространство, бесконечное пустое время есть условие существования всех вещей, то, что содержит в себе все существующее.

Следуя Гегелю, начинающий философ оценивает пустые пространство и время как пустые абстракции. Понимаемые таким образом, они ничего не определяют, как ничему и не мешают.

С позиций органицистской методологии отечественный ученый представляет иное понимание пространства и времени, восходящее к идеям Лейбница. Пространство понимается Страховым как протяженность, время как длительность. Заслугу Страхова можно увидеть в том, что он связывает эти формы с действительным бытием. Русский органицист вводит идею многообразия форм пространства и времени: «...части пространства отличаются между собою точно так же, как части мира» [5. С. 449]. Пространство и время, по Страхову, — это формы существования тел: «То, что сказано о пространстве, можно вполне применить и ко времени; не только мировые явления совершаются во времени, но они по самой сущности своей временные; не только время их содержит в себе, но они сами неизбежно содержат в себе время» [5. С. 450].

Необходимо отметить, насколько для Страхова важно, что такая концепция позволяет представить мир не как хаос, а объяснить его в духе органицизма как нечто *упорядоченное, гармоническое*. Таким образом, пространство и время у него играют в мире очень важную роль — они держат «на себе мировой порядок». Интересно, что в критике субстанциональной концепции пространства и времени русский органицист выступает прежде всего как философ. Так, он находит следующий серьезный контраргумент, используя диалектику формы и содержания. Натуралисты раздвоили мир на его форму — пространство и время — и на его содержание — вещество и его явления. Но это раздвоение, справедливо констатировал мыслитель, только тогда даст истинное познание, когда мы поймем, что «форма не существует без содержания и содержание существенно определяется формой».

Показав несостоятельность материалистического и механистического (что для него одно и то же) представления о пространстве и времени, критик переходит ко *второму фундаментальному понятию*, составляющему каркас системы материализма — понятию *вещества*. Те явления, которые мы представляем как происходящие в пространстве и времени, называются натуралистами, продолжает Страхов, *вещественными* явлениями. Ища сущность в явлении, натуралисты приходят к выводу, что таковой выступает *вещество*. Демонстрируя взаимосвязь сущности и явления, он приписывает натуралистам метафизическое понимание сущности как неизменной при изменяющихся явлениях. Вновь следует обращение к представлению. По мнению Страхова, естествоиспытатели «не просто только мыслят вещество как сущность, — им нужно *представить* эту сущность, нужно видеть ее в образах; таким образом получается *вещество натуралистов*» [5. С. 454].

Раз представление уже отличило пустое пространство от того, что в нем содержится, то оно полагает, что эта сущность, это содержание не занимает всего пространства, следовательно, ограничено, разделено пустыми промежутками. Отдельные массы вещества в пустом пространстве оказываются не связанными, ибо пустое пространство не может служить связью. (Сущность у натуралистов, напомним, отличается неизменностью). В результате получаем в картине, нарисованной Страховым, атомы (абсолютно твердые, т.е. неизменные) и пустоту!

Так популярно описывается умственный процесс создания учения о веществе, который он, по его словам, «подсмотрел» у натуралистов. Далее делается закономерный вывод: «Атомизм есть единственная, совершенно правильная, неизбежная форма, в которой можно *представлять* себе вещество. Господство атомизма в нынешних естественных науках не есть прихоть или увлечение; оно строго вытекает из начал, на которых развиваются эти науки» [5. С. 457].

Страхов отчасти прав, «...атом представляет собой как бы нечто среднее между *понятием разума и представлением воображения*: не случайно образ пылинок, движущихся в солнечном луче, сопровождает атомизм как в античности и средние века, так и в эпоху Возрождения и в XVII—XVIII вв.» [1. С. 189]. Поэтому в атомизме действительно есть подмеченное Страховым противоречие: атом,

с одной стороны, постигается умом, чувственно не воспринимается, с другой — он физическое тело, отличающееся от других только очень малым размером.

Но это противоречие, отмечает П.П. Гайденко, составляющее слабость атомизма как философского учения, оказывается, как это ни парадоксально, несущим в себе эвристические возможности, которые делают атомизм весьма привлекательным для естествоиспытателей: «атомизм дает удобную и пластически ясную *модель* тех умственных конструкций, которые создает естествоиспытатель... В отличие от философа, стремящегося к построению логически непротиворечивой системы понятий, а потому сравнительно легко вскрывающего противоречия атомизма как философской доктрины, естествоиспытатель видит в атомизме средство *моделирования* природных процессов и за это ценит атомизм как эвристическую гипотезу» [1. С. 189].

Этих двух стихий недостаточно, чтобы объяснить мир, справедливо считает критик материализма. Даже для объяснения мира как механизма необходима еще одна, *третья*, «стихия» — *движение*. Прекрасно поняв суть и ограниченность механицизма, русский органицист констатирует, что «чистые механики» понимали движение как внешнее, не имеющее отношение к сущности движущегося. Его верный вывод — это было существеннейшим недостатком данного мировоззрения. Как и ранние отечественные органицисты (М.Г. Павлов, вслед за ним Н.И. Надеждин), Страхов обращает внимание на то, что философия должна объяснить разнообразие мира, что оказывается невозможным при понимании атомов как бескачественных и механического движения как их перемещения в пространстве.

С одной стороны, критик делает важный, правильный вывод, что именно движение как перемещение в пространстве принимается натуралистами за единственно возможную форму изменения в мире.

С другой стороны, интерпретация этого факта кажется узкой, односторонней, — конкретно-историческая односторонность, абсолютизация данной конкретной формы движения объясняется тем, что только оно, перемещение в пространстве, является *представляемой* переменной.

Исследователь ставит логично следующий важнейший вопрос о причине, источнике движения. Понятно, что согласно принятому Страховым мнению о материализме как мировоззрении, ограниченном представлением, он будет связывать объяснение данного вопроса с этой формой познания. Исследователь адекватно воспроизводит существовавший в материализме того времени ответ: движение необходимо принадлежит веществу, при этом идет ссылка на «Систему природы» Гольбаха. Страхова такой ответ не устраивает, ибо имеем не объяснение, а констатацию. При такой экспликации можно допустить, справедливо указывает отечественный критик, как движущееся вещество, так и покоящееся.

Для русского ученого вопрос о движении при построении системы взглядов на мир, в отличие от механицистов, является основным, что выдает в нем сторонника органического воззрения. Причем он как само собой разумеющееся признает *бесконечное разнообразие движения*.

Более того, неотрефлексированно, отрывочно, что вообще характерно для аргументации мыслителя, в его работах многообразные формы движения связываются с формами материи, по его терминологии — вещества.

Следовательно, логично рассуждая, можно интерпретировать данную идею как признание бесконечного многообразия вещества, притом что многообразие нехаотично. В этом многообразии есть необходимость, определяющаяся тем, что вещество должно иметь те формы, которые образуют все многообразные явления, существующие в мире, т.е. и тут для мыслителя важно не допустить хаоса. Соответственно, движение должно иметь законы. Для их объяснения натуралисты, по мнению Страхова, ввели понятие силы, которая производит эти движения, но она уже непредставляема.

Таким образом, мир материалистов есть мир представляемый, т.е. существующий в пространстве и времени; раз дана сущность — вещество и ее изменение — движение, то для полного созерцания больше ничего, по Страхову, материалистам не требуется. Система материализма, которую он построил, выглядит так: «...этот мир слагается из его отдельных стихий. Пространство и время воображается пустою; в нее влагается вещество. Вещество представляется неизменным и не имеющим в себе никаких законов перемен; ему придаются силы» [5. С. 468]. Следует заметить, что нарисованная картина адекватно передает основы мировоззрения, характерные для механистической картины мира.

Доказательством ошибочности материалистической системы представлений философ не ограничивается, он рисует *контуры противоположной материализму* (естественно, механистическому материализму) системы взглядов. *Основы истинной системы должны быть следующими*: «пространство и время необходимо связаны с веществом», вещество не есть что-либо неизменное. Однако отметим, дань времени отдана: сущность мира осталась та же — вещество. Силы не есть нечто только приданное веществу, но вытекают из его сущности.

Иными словами, согласно Страхову, необходимо признать самодеятельность вещества. Поэтому путь, выбранный Страховым, таков. Двумя общими понятиями, по его мнению, под которые мы подводим все существующее, являются «бытие» и «деятельность». Понятие «деятельность», согласно аргументации мыслителя, «более трудное», нежели «бытие», т.к. бытие мы можем так или иначе представлять, «деятельность» же вообще нельзя представить. Думается, в данном случае, что логика изменяет философу или он изменяет логике. Непонятно, почему бытие, а это категория наибольшей степени абстракции, как было показано Гегелем, можно представлять, а деятельность невозможно? Согласно отечественному органицисту, дело в том, что натуралисты и материалисты ограничены одним представлением; именно вследствие этого они не могут понять самодеятельности вещества.

Этой интенции ума он противопоставляет утверждение в духе органического видения мира: все, что существует, существует настолько, насколько действует, сама сущность вещей состоит в их деятельности.

Заметим, Страхов очень бегло характеризует динамическую теорию вещества, причем отстраненно, себя с ней прямо не идентифицируя. Такой прием характерен для мыслителя. На наш взгляд, в данном случае эту осторожность, уклончивость можно объяснить, по крайней мере, двумя причинами. Первая (субъектив-

ная) — неуверенность автора. Вторая причина, судя по совершенной невнятице написанного по данному поводу, кроется в осознании им того факта, что в динамической теории тоже не решены проблемы ни сущности вещества и его строения, ни внутренней его силы, которая делает вещество самодеятельным. Невнятно, без ссылки им проговаривается идея кантовской динамической теории.

Кроме заявления, что в предлагаемой, выстраиваемой, истинной теории сущностью считается не вещество, а силы, все остальное является скорее постановочной задачей, сформулированных весьма нечетко. Стиль Страхова приобретает образную форму, тон — романтическую взволнованность. Он пишет: «Нужно найти силу в полном смысле *живую*, т.е. внутреннюю, не механическую... Чтобы понять жизнь вещества, нужно проникнуть в эти внутренние биения его пульса, нужно мысленно постигнуть глубокие движения его сущности. Только тогда можно будет рассматривать мир как одно целое, как гармоническую сферу» [5. С. 474]. Это мироощущение напоминает, на наш взгляд, мировосприятие Гете. Для обоих мыслителей характерно восприятие природы как области жизни, как живого целого. Русский органицист предлагает вместо атомистической концепции субстанции, принятой в критикуемом им материализме, исходить из континуальной концепции, в которой объекты реальности суть проявления некой изначальной и гомогенной первоосновы всего существующего.

Подводя итог, заметим, что методологические приемы, используемые Страховым в анализе механицизма, говорят о том, что его критика механистического материализма носила серьезный, глубокий характер. Механицизм, редукционизм существуют и в настоящее время, поэтому страховское исследование оснований механистического подхода к миру представляет и ныне определенный историко-философский и естественнонаучный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гайденко П.П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. — М., 2000.
- [2] *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. — М., 1970. — Т. 1.
- [3] Русская философия. Словарь / Под общ. ред. М. Маслина. — М., 1999.
- [4] *Снетова Н.В.* Н.Н. Страхов как философ // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2005. — № 4 (Апрель). — С. 11—16.
- [5] *Страхов Н.Н.* Мир как целое. 2-е изд. — СПб., 1892.

ORGANISTIC DOMINANT IN WORLD-VIEW OF N. STRAKHOV

N.V. Snetova